

**Начало и окончание уголовно-правовой охраны жизни человека:
дискуссионные вопросы**

Научный руководитель – Крылова Наталья Евгеньевна

Алексеева Александра Евгеньевна

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический
факультет, Москва, Россия

E-mail: 896076@list.ru

В соответствии с ч. 2 ст. 17 Конституции РФ, основные права и свободы человека принадлежат каждому от рождения. Исходя из буквального толкования этого положения можно прийти к выводу, что в РФ охране и защите подлежат права и свободы только живорождённого человеческого организма. В связи с чем возникают правовые неопределённости, связанные с возможностью уголовно-правовой охраны человеческого плода, эмбриона. Традиционно при отграничении аборта от детоубийства решающее уголовно-правовое значение имеет определение именно момента начала жизни [3; 73]. Говоря о разграничении убийства (ст 105 УК РФ) и незаконного проведения искусственного прерывания беременности (ст 123 УК РФ) в российском уголовном праве, важно отметить, что у данных составов общим является родовый объект - личность и видовой - жизнь и здоровье - уголовно-правовой охране подлежит жизнь и здоровье именно матери [4; 91]. Противоположной российской доктрине определения начала уголовно-правовой охраны жизни человека является польская. Так, в соответствии с Уголовным кодексом Польши лицо, причинившее плоду телесное повреждение или расстройство здоровью, угрожающее его жизни, подлежит уголовной ответственности. Также интерес вызывает статья 152 УК Польши, в соответствии с которой наказание за прерывание беременности с согласия женщины с нарушением предписаний закона дифференцируется в зависимости от того, достиг ли плод способности к самостоятельной жизни вне организма беременной женщины. Если УК РФ предусматривает такой состав как причинение тяжкого вреда здоровью, который проявляется в прерывании беременности, то УК Польши различает в данном случае два состава: статья 156 УК, которая предусматривает ответственность за причинение тяжкого вреда здоровью, проявляющийся в лишении способности к деторождению, а вред, причинённый непосредственно плоду, образует самостоятельный состав, предусмотренный статьёй 157а УК Польши. Таким образом, Польша предусматривает уголовно-правовую охрану плода. УК РФ предоставляет уголовно-правовую охрану ребёнку во время и сразу после родов, а в случае причинения вреда плоду, объектом преступления является жизнь и здоровье матери.

Определение момента, с которого человек считается рождённым и попадает под защиту уголовного законодательства, является важным для квалификации противоправных деяний, которыми причиняется вред ребёнку в процессе родов. В соответствии со ст 53 Федерального закона от 21 ноября 2011 года N 323-ФЗ "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации", моментом рождения ребёнка является момент отделения плода от организма матери посредством родов. Однако фактически началом уголовно-правовой охраны жизни человека в РФ является начало родов [2; 20]. Возможно, внесение изменений в статью 53 323-ФЗ в виде «моментом рождения ребёнка является начало родов», что согласовывалось бы с уголовной ответственностью за причинение смерти ребёнку матерью в соответствии со ст 106 УК РФ и в соответствии со ст 105 УК РФ - за соучастие в форме соисполнительства лица в убийстве матерью новорождённого [5; 78] .

Не меньший интерес вызывает вопрос об окончании уголовно-правовой охраны жизни человека. Медицинская диагностика смерти, связанная с констатацией прекращения дыхания и остановкой сердцебиения, была на протяжении длительного времени непротиворечиво связана с христианским пониманием сердца и дыхания как основ жизни [6; 108]. В 1968 медицинский факультет Гарвардского университета выдвигает концепцию смерти головного мозга, согласно которой смерть этого органа равна смерти всего человеческого организма. Следовательно, необходимо проводить границу между биологической смертью, являющейся необратимой гибелью человека и констатируемой на основании трупных изменений и смертью мозга, проявляющейся в прекращении всех его функций, при этом сопровождающейся продолжением работы сердца и искусственной вентиляции лёгких [1; 391]. Нормативное определение момента смерти необходимо, так как установление момента смерти имеет несколько важных правовых последствий. Во-первых, трансплантация органов и тканей человека допустима лишь при наличии заключения о смерти на основании констатации смерти мозга. Во-вторых, установление момента смерти влечёт прекращение реанимационных мероприятий. В границах новых достижений медицины бьющееся сердце и дыхание - не есть признаки жизни. Констатация «смерти мозга» определяет личностную смерть, в границах которой допустима «растительная» (на клеточном уровне) жизнь [6; 110]. Таким образом, критерий смерти мозга, в соответствии с действующим законодательством РФ тождественный смерти человека, является уместным. Необходимо лишь уточнение признаков смерти мозга в российском законодательстве, возможно, с использованием примера Закона США о единообразном определении смерти с той целью, чтобы избежать злоупотреблений.

Источники и литература

- 1) Бойко И.Б. Констатация смерти в российском законодательстве (критический анализ ст. 66 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» от 21.11.2011 г. №323-ФЗ // Российский медико-биологический вестник имени академика И.П.Павлова. 2020. Т.28. №3.
- 2) Боровитинов М.М. Детоубийство в уголовном праве, Санкт-Петербург, 1905.
- 3) Гололобова А.В. Проблема определения начала и окончания жизни в доктрине американского уголовного права // Вестн. Моск. Ун-та. Сер.11. Право.2008. №1.
- 4) Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. Ред. В.М.Лебедев «Юрайт», 2017
- 5) Мелешко Д. Квалификация соучастия в преступлении // Уголовное право. 2017. №2.
- 6) Силуянова И.В. Биоэтика в России: ценности и законы, Москва, 2001.